

Андрей Блинов

Петербургский писатель, журналист, автор-исполнитель, литературный критик. Выступал в сопровождении камерного оркестра. Стихам Андрея присущи глубина, музыкальность и эстетичность. Любимый лирический герой — странник, искатель, человек со-вестливый и чуткий. В периодике не печатался.

Этот вещий сон...

Ковчег

По вечерам и по ночам — домов в Петербурге больше нет:
есть шестизэтажные каменные корабли.

Евгений Замятин, «Мамай»

Этот дом — не корабль. Это дом-ковчег.
Многочеточная тоска
Для зверей, приютившихся на ночлег
И не думающих искать
Нечто большее. Легко, спокоен быт,
Если не за кого трястись,
Если нет ни радостей, ни обид...

А у нас все не так, прости.
Распахнула окно: миллионы люстр
Рассыпаются в пустоте.
Говоришь: «Я так... страшно тебя люблю,
Что хочу от тебя детей...»

В облаках — смотри — созревает дождь,
Небеса отдают тепло.
Ты, счастливая, кроткая, носишь дочь.
Я спускаю на воду плот.
Не погубит его самый сильный шторм,
И, доколе хватает глаз, —
Только море — бескрайний немой простор...

Ненадолго.
Земля кругла.
Утекает время, давясь людьми.
Через двадцать чудесных лет
Дочка скажет: «Мне дорог ваш вольный мир,
Но с любимым — сойдет и клеть.
У него там родители... И вообще
Он уже мне почти жених...

Видишь, высится в темном дворе — ковчег?
Я пока поживу у них?..»

Этот вещий сон...

Этот вещий сон, как и прошлых два, —
На добро иль зло?..

Сядет Верочка утром за самовар,
Станет морщить лоб,
В беспокойстве пробуя осознать,
Что же скрыто в них?
Из подвала в поле — заветный знак,
Да еще дневник...
А попозже с миленьким — только с ним —
Обсуждать беду:
«Были, знаешь, серые раньше сны,
А теперь — в цвету...
Этот, нынче, — тягостен, как ярмо,
Но манящ, как свет!
А сказать подробнее, славный мой,
Не могу посметь».
Муж слегка поежится, погрешит
На рутинный труд.
Но нельзя по-прежнему, видно, жить,
Если сны не врут,
Если близок будущий идеал,
Безупречно сшит...

«Вера Пална, матушка! Вера Пал...»
Не тревожьте: спит...

Метеоролог

Аляска. Полярный круг. Вековечный снег
И — «snow», как всегда, заполняет колонку «weather».
К обеду является Уильям, а после — Джек,
До позднего вечера врут о судьбе и вере.
С утра — ни того, ни другого, лишь муть в глазах.
Журнал разомлел от груды ненужных данных...

Я помню: каких-то три тысячи «snow» назад
Ко мне приходила, таинственно и неожиданно,
Ступая неслышно — по воздуху, по земле? —
Прекрасная гостья, дрожащая от озноба.
Я грел ее руки, укутывал в толстый плед,
Отпаивал чаем... Молился — впервые — чтобы
Вернуть ее к жизни...

Тщетно. Здесь Бога нет.
Здесь есть только снег — равнодушный, извечный, дикий.
Три тысячи «snow» я как будто бреду во сне
По миру,
застывшему мертвой, прозрачной льдинкой.

Один

Вспоминаешь — отец ворчал: будь других умней...
Если все будут прыгать с крыши — ты тоже с ними?
Все камнями кидаться — и ты наберешь камней?
В стаде нет человека — там овцы, бараны, свиньи.

Ты поверил, не влился в поток, жил своим умом.
Но бывают моменты, когда невозможно — в норку,
Нет надежды на то, что наладится все само:
Только если толпой, чтобы вместе, и чтобы — много...

Агитатор сказал: завтра утром устроим бунт!
И тебя в страшном сне привязывали к столбу!
Поутру выходил с ревущим огнем в груди —
А другие не вышли, у них же работа, семья.
Даже там, где один за всех, ты был вновь — один,

За овец, баранов, свиней и других скотин —
Не со всеми.

Заведи себе кошку-надежку

В повседневных делах не находишь прок,
И монетка не падает на ребро,
Сколько б ты ее ни подбрасывал...
Заведи себе кошку-надежку, бро,
Любопытную, хитроглазую,

Запусти в свой больной, неудобный мир,
Покажи ей холодный сырой камин
И мольберт, от безделья высохший.
Расскажи ей о горестях напрямик.
Кошка умная сядет выслушать,

А потом промурлычет тебе в ответ,
Что тревог и сомнений отныне нет,
Надо только подняться, выстоять —
И мечтать, как мечтал в восемнадцать лет...
Ты поверишь — легко, неистово!

Неуклюж, как спасенный от смерти кит,
Вдохновлен, как творец, отыскавший кисть, —
Будешь гладить по шерстке флисовой,
И накормишь «спасибом» зверька с руки.
(А зверек его будет слизывать...)

Ты поднимешься, выстоишь без труда —
Отражая удар, нанося удар, —
Замурлыканный на бессмертие...
А потом эта кошка тебя предаст:
Помахала хвостом — и нет ее.

Но теперь, даже если вы с нею врозь, —
Ты в надежду, как в почву корнями, врос,
Раз ее приручить осмелился.
Заведи себе кошку-надежку, бро.
Вот увидишь, как все изменится!

Договорить

Рыжий кафель обычно драится трижды в месяц,
Но сейчас вне графика. Там, в глубине палат,
Лишь о том и суд, как на этом на самом месте
Извивался, встречая смерть, господин Пилат.

И бывалые-то не помнят, откуда прибыл
На довольствие этот странный смешной старик,
Но по карточке — в свое время был крупной рыбой:
Прокурор ли, префект — из тех, кто давно привык

По работе и жизни дело иметь с отребьем,
Осуждать без пощады, не умывая рук,
И выслушивать всякий бред, что они натреплют,
Пропуская слова, как пыль на сухом ветру.

Так не буйный, но коль накатывает припадок,
Тянет руки к лампочке, к трещинам потолка
И внушает кому-то: договорить, мол, надо,
Надо, мол, завершить беседу, а все никак...

И мозжит головой по кафелю больше часа,
И елозит по полу, напрочь лишенный сил...
А сегодня с утра он все-таки достучался.
Тот другой, в потолке, наверно, его простил.